Крестьянское хозяйство в Бельгии

А.В. Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-53-57

Пассажирский поезд, уходящий из Берлина на рассвете, пересекает бельгийскую границу еще засветло. Из окна вагона смотришь на новые и новые картины чужой земли, столь непохожей на нашу, русскую.

Еще в Германии поезд пересекает Вестфалию[4] и входит в те местности, где добывают каменный уголь. Куда ни взглянешь, — всюду вместо деревушек и сельских церквей видны фабричные и заводские трубы, трубы и трубы без конца и краю. Целые горы каменного угля, вытащенного из недр земли, а рядом, словно щетка, лес новых и новых труб.

Страна промышленности.

По мере приближения к Бельгии[5] число труб все увеличивается, и растут горы каменного угля и его отбросов. Около заводов и фабричных городов замечаешь какие-то странные маленькие сады, маленькие огороды, — участки земли, огороженные загородкой. Посреди участка стоит иногда какой-то домик. Спрашиваешь своих спутников, что это такое? И те рассказывают, что это участки земли, принадлежащие заводским рабочим, занимающимся в свободное время «сельским хозяйством». Каждый такой «хозяин» имеет участок в ¼ — ⅛ десятины, а то и того меньше. На нем строят не то шалаш, не то сарай и тщательно огораживают забором. Сам хозяин и его семья живут в городе, а на участке садят капусту, овощи и иногда откармливают свиней. Доходы от такого «хозяйства», понятно, самые маленькие, семья всецело живет на заработок с фабрики и «сельским хозяйством» занимается не для подсобия, а больше для собственного удовольствия.

Такие «хозяйства» начали распространяться за последнее время вокруг фабричных городов и местечек в очень больших размерах. Немецкие ученые называют их «парцеллами», по-русски это, пожалуй, можно перевести словом «лоскуточки».

Странное на нас, русских, производят они впечатление. И спрашиваешь невольно: «А другие-то, настоящие хозяйства у вас есть?» — «Конечно», — и ваш спутник показывает на поля овса и луга, которые тянутся вдали.

---

4. Одна из губерний Германии.
5. Маленькое государство в самом центре Западной Европы, между Францией и Германией; по размерам меньше, чем наша Московская губерния.

В это время поезд подходит к Вервье, границе Бельгии. Снова потянулись заводы, трубы, кучи каменного угля, — только люди другие, чем в Германии; те были важные и говорили по-немецки, эти говорят по-французски и много проще, приветственнее на вид. Всматриваетесь и среди заводов видите кусочки лугов, по которым ходят коровы и лошади. Луга разбиты на квадратики и обсажены деревьями, судя по виду грушами и другими фруктовыми. Потом снова тянутся заводы, и нигде вы не видите ни полоски овса, ни какого другого хлеба.

Поезд стучит по рельсам и подходит к вокзалу. Льеж — бельгийский промышленный город. Лежит он в котловине, на берегу реки Мезы. Под городом в земле заложены огромные пласты каменного угля, и вся земля подрыта ходами-шахтами для его добычи. Под домами, под улицами и даже под дном реки — всюду работают люди и добывают каменный уголь. А вверху бесчисленные заводы сжигают его, коптят небо клубами черного дыма и выбрасывают в мир огромное количество товаров — металлических изделий. Заводов в Льеже так много, что, если плыть по реке на пароходе в соседнее местечко Сорен, то всю дорогу, около часа, по обе стороны реки идут две сплошные стены заводов с высокими коптящими трубами.

Таковы первые впечатления о Бельгии. Страна — промышленная и из каждых 6 человек населения 4 живут в городах и занимаются промышленностью, а у нас в России из 6 только 1 приходится на городское население. Хлеба, который производит бельгийское сельское хозяйство, на прокормление всего населения не хватает и его приходится привозить из других стран, главным образом, из Америки и России.

Само же бельгийское крестьянское хозяйство совсем не похоже на наше...

В гостях у фермера Коляра

До фермы Октава Коляра, которую я намеревался посетить, от станции «Мильморт» нужно было пройти версты 2–3.

По обе стороны дороги тянутся луга, огороженные трехрядной колючей проволокой, иногда маленькая полоска овса и снова луга, часто усаженные широкими рядами высоких фруктовых деревьев. Луга разделены на участки десятины по 2, по 3 и старательно огорожены. В каждой такой загородке пасется несколько здоровых коров-голландок или лошадей. Это земли отдельных хозяев.

В этой части Бельгии нет общинного землевладения, нет и общественного стада, а потому хозяину либо приходится самому стеречь свой скот, либо привязывать его или огораживать забором. Неудобство большое. Но что поделаешь, — вся земля раскромсана на куски, принадлежащие разным хозяевам. Чтобы выделить большой участок, надо соединить много мелких. А сговориться на этот счет мелким хозяевам прямо невозможно. Ну, и загораживают.

Прохожих по дороге встречается мало. Разве проедет на велосипеде рабочий, торопящийся на фабричную смену, или маленькая двухколесная таратайка, в которую впряжены человек и пара собак. Собаки в Бельгии играют весьма почтенную роль — они заменяют лошадей у всех тех, кому купить настоящую лошадь слишком дорого. Существует большое количество специально собачьих питомников особой породы собак, выносливых и сильных. Зеленщик, молочник, крестьянин, отвозящий что-либо на базар, — все пользуются услугой рабочей собаки. И в то время как охотничья собака и домашняя обложены большими налогами, за рабочую собаку платить ничего не надо.

Но вот и ферма. Большие ворота, высокий каменный выбеленный забор. Внутри двора дом, а по стене тянутся коровники, сарай и разные клети. Весь двор завален толстым слоем соломы.

Октав Коляр — толстый, плотный мужчина, лет под 40 — встретил меня у ворот и начал показывать свое хозяйство.

По бельгийским понятиям — это было больше хозяйство: 20 десятин луга и около 10 десятин поля. Луга на редкость. Да за ними и уход хороший: каждый год их боронят, освежают и сильно удобряют навозной жижей и химическими удобрениями. Поля засеяны свеклой — особо выведенным для этой местности сортом. Но что особенно ярко выглядит, так это овес и пшеница.

— Вы попробуйте рукой-то, — говорит хозяин, — не пшеница — камыш!

Попробовал, — действительно камыш, да и колос хорош, ровный наливной.

— Не жалею удобрений. Кроме навоза, кладу много химических... Обработка тоже старательная... Да и самый сорт мы в нашем сельскохозяйственном обществе лет пять отбирали — какой лучше. Вот и урожай зато 180 пудов с десятины.

Посевы ровные, чистые, проплешин не видать, да и травы сорной нет, чуть-чуть кое-где краснеется мак.

Коляр, как и большинство бельгийских крестьян, не является собственником земли, на которой ведет хозяйство. Он арендатор-фермер. «Купить — надо иметь много денег» (десятина стоит более 1000 руб.). И он арендует ферму со всеми постройками на 10 лет, платит по 45 руб. за десятину. По его словам, соседние крестьяне часто арендуют не только землю и постройки, но и все сельскохозяйственные орудия.

Коляр, как и все окрестные хозяева, главным образом, скотовод: откармливает телят, свиней, содержит племенного жеребца. Его жена ведет молочное хозяйство; молоко от 4 коров частью отправляют в город Льеж, а частью перерабатывают в масло на соседней кооперативной маслобойне.

Семья небольшая: жена, дочь и сын, который учится в городе, а летом помогает отцу. Содержит одного рабочего-скотника. В страдную пору, а также осенью и весной, для сборки и пол-

ки свеклы приходится нанимать поденщиков, которые приходят из других губерний и из-за границы. Платят по рублю или по полтора рубля, редко больше.

— Теперь сельское хозяйство у нас все равно, что фабрика; все деньги и все на деньги, — рассказывал Коляр, — лет 40 назад, а у вас в России, наверное, и сейчас, крестьяне мало что покупали. Все производилось в своем хозяйстве, продавали тоже мало, не больше половины урожая, да и по хозяйству денежных расходов было немного. Теперь не то: приходится за аренду платить деньгами, кроме навозу удобряешь землю химическими удобрениями, тоже покупными, машины сельскохозяйственные — покупные; свои семена сеять невыгодно — зерно недостаточно хорошее — и покупаешь специальные отборные. Да и скоту корм прикупаешь: жмыхи, отруби, свекольную ботву — все денег требует! Да мало ли и других денежных расходов. Ну, и приходится продавать почти все. Хлеб продаем весь зерном — для семьи в булочной покупаем. Овес, вот, только для своих лошадей идет. Продаешь масло, шерсть. А видали у нас на лугах яблони и груши, и с них тоже все продается. Большую прибыль приносит откорм телят и свиней. Покупаешь их с осени по третьему месяцу, откармливаешь свекловичным листом и прочим, а зимой или по весне продаешь. Ну, откорм не много стоит и на каждом что-нибудь выручишь. Да что и говорить, вертимся как на заводе — все покупаешь, все продаешь.

Надо было торопиться к поезду. Хозяин заложил лошадь.

— Хорошая лошадка. Она у меня называется «Русский», — сказал Коляр, дергая вожжами.

— Почему же вы ее так назвали?

— Да как же! Ведь благодаря вам, русским, вернее, благодаря вашему хлебу, мы все начали заниматься скотоводством. Вот лет 40 назад большая часть этих лугов была полями, и все мы хлеб производили, хлеб продавали и хлебом жили. Урожаи изводили, хлеб продавали и хлебом жили. Урожаи хотя были неважны, да цены стояли высокие — по 2 рубля с лишком за пуд. Потом провели железную дорогу[6] и вскоре с железнодорожными поездами к нам стали привозить русский дешевый хлеб[7]. Хлебную цену сбили до рубля с пуда. Ну, понятно, для нас настало тяжелое время, наш хлеб самим стоит дороже рубля. Либо вовсе бросай хозяйство, либо ищи, что в нем выгодно. Плохое, надо вам сказать, время это было. Мно-

6. Станция Мильмор была открыта 1 мая 1865 г. в составе железнодорожной линии Льеж — Хасселт. — *Ред.*

7. В 1884–1889 гг. российский хлебный экспорт в Бельгию (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза) составлял 90,8 млн пуд., в следующее пятилетие сократился до 77,3 млн пуд. и в 1895–1899 гг. достиг 85,2 млн пуд. (*Китанина Т.М.* (2011). Хлебная торговля в России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 170). — *Ред.*

го хозяев разорилось. Вывернулись, однако. Скот теперь разводим племенной и молочный. Этого, пожалуй, так скоро и дешево не привезешь. Да и хлеб у нас теперь лучше, научились землю обрабатывать как следует, машины сельскохозяйственные ввели, химические удобрения и сортированные отборные семена употреблять начали. Ну, вот вместо 80 пудов 180 теперь собираем. Стоит вся эта улучшенная обработка дороже, ну, да и доходу больше, так что и при рублевой цене получается прибыль. Да, это за самое последнее время, благодаря вам, русским, стали мы скотоводством заниматься[8]...

A.V. Chayanov. Peasant economy in Belgium

Vladislav O. Afanasenkov — Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: erpaison@gmail.com.

This is an early work of Alexander Chayanov first published in the journal *Krestyanskoe delo* [Peasant Work] in 1910. The article is based on Chayanov's observations during his stay in Belgium in summer of 1909, when, according to one of his biographers, he tried to find development models for the Russian agriculture. On behalf of the Belgian farmer Octave Colyar, Chayanov described the changes in the Belgian agriculture after the great agricultural crisis (depression) of the late 19th century. The inflow of North-American and Russian grain to the Belgian market (the so-called 'grain invasion') had negative impact on prices and made agricultural producers change their specialization — Belgium turned from an exporter of grain to an exporter of livestock products. The article presents Chayanov at the beginning of his career, before the development of his theory of consumption-labor balance. Not only in his early works but also throughout his career, Chayanov used the comparative method to study the agricultural development of Russia and Western Europe. However, the Belgian case was one of the most important. In this article, Chayanov is an agrarian economist, sociologist and rural anthropologist presenting a detailed portrait of the peasant based on the history of his economy.

Keywords: agrarian history, Chayanov, Belgium, global agricultural crisis, 'grain invasion', peasant economy.

8. Для знакомства с хозяйством Бельгии рекомендуем две брошюрки: А. Ширский — «Сельскохозяйственная кооперация в Бельгии», ц. 10 коп.; В. Брунст — «Как крестьяне в России улучшают свое хозяйство», ц. 5 коп. [*Ширский А.* (1907). Сельскохозяйственная кооперация в Бельгии. М.: Тип. Д.Н. Бутаева; *Брунст В.Э.* (1908). Как крестьяне в России улучшают свое хозяйство. М.: Агроном — *Ред*].